

Вернув спасённого ребёнка родителям, Шэнь Мэнчжуан даже вздохнуть свободно не успел — Мэн Цинъян тут же утащил его в бамбуковую рощу, загоревшись желанием устроить дружеский поединок. Словно нарочно не давал перевести дух!

— Ну же, Сяо Мэнмэн, мы не виделись несколько месяцев! — Цинъян бесцеремонно сгреб его за шею, широко и нагло скалясь. — Дай-ка старшему брату поглядеть, не обленился ли ты часом.

Мэнчжуан попытался сбросить тяжёлую руку со своего плеча, но куда там — силой соперник его явно превосходил. Они шумно завоzzились, пихая друг друга.

— Отпусти сначала, тогда и сразимся.

Но разве Мэн Цинъяна проймёшь такими уговорами? Вместо того чтобы разжать объятия, он прижал друга к себе ещё крепче. Мэнчжуан едва не задохнулся. Лицо его вспыхнуло пунцовым румянцем, аккуратная причёска растрепалась, и несколько непослушных прядей упали на лоб.

Цинъян мягко протянул руку и убрал мешавшие волосы с его лица, посмеиваясь:

— И причесаться как следует поленился. На кого ты похож? Ещё подумают, будто я совсем за тобой не приглядываю и не воспитываю.

Мэнчжуан с силой шлёпнул его по руке и раздражённо закатил глаза:

— По-моему, это тебя давно пора проучить.

Цинъян расхохотался так, что согнулся пополам, упираясь ладонью в плечо собеседника. Шутовским жестом он принялся ослаблять пояс на своём одеянии:

— О, неужели ты хочешь взять меня в оборот лично?

— Ты... — Мэнчжуан, не находя слов от такой наглости, вспыхнул от гнева и принялся колотить его кулаками. Язык у этого парня так и чесался, напрашиваясь на хорошую трёпку — неудивительно, что в первоначальном сюжете книги его ждал столь бесславный конец! — Точно нарывается! Пока бока тебе не намну, не успокоишься!

— Ладно, ладно, пойдём уже, — примирительно рассмеялся Цинъян и потащил его на задний двор, к бамбуковой роще.

Они шли друг за другом: один в тёмных, дорожных одеждах, другой — в белоснежном халате.

Затаившийся за углом Лу Цинюань провожал их взглядом. На душе у него было скверно. Мэн Цинъян был на целую голову выше Мэнчжуана — широкоплечий, статный, сильный. На его фоне всегда безупречный, грациозный старший соученик казался хрупким и изящным.

Они шли плечом к плечу: один — порывистый и яркий, словно цветущий персик, другой — надёжный и крепкий, как вековой летний дуб. И смотрелись они вместе до боли... гармонично.

Цинюань вперил хмурый взгляд в удаляющуюся спину Цинъяна, а затем медленно посмотрел на собственные руки. По сравнению с этим зрелым мужчиной он сам выглядел совсем юным — слишком тонким, угловатым, почти истощённым.

"Разве старшему соученику может понравиться такой, как я? Или... ему милее крепкие, сильные мужчины?"

В бамбуковой роще завязался бой. Клинки сталкивались с сухим, яростным звоном, срезанные стебли бамбука с треском валялись на землю.

Мэнчжуан постепенно уступал напору соперника, шаг за шагом отступая под градом ударов. Вдруг его пятка наткнулась на скрытый в траве камень. Потеряв равновесие, он покачнулся назад, а острая сталь чужого меча уже летела прямо ему в лицо.

Цинъян молниеносно увёл клинок в сторону и, извернувшись всем телом, подхватил Мэнчжуана сзади, не дав ему упасть.

— Ну что за недотёпа, Сяо Мэнмэн! Совсем забросил тренировки. Хрупкий, нежный — прямо как девица на выданье.

Вернув себе опору, Мэнчжуан резко высвободился из его рук и возмущённо выкрикнул:

— Сам ты девица! Кто только что пустил бумажную марионетку мне под ноги? Не схитри ты так подло, давно бы уже лежал здесь поверженным!

Видя, как тот упрямо не желает признавать поражение, выискивая любые оправдания, Цинъян лишь расплылся в довольной улыбке. Он продолжал крутиться вокруг него, отпуская колкости, чтобы лишний раз подразнить.

Но каждая деталь этой сцены запечатлелась в глазах Лу Цинюаня, шедшего за ними по пятам. Видеть, как этот наглец ластится к его старшему соученику и пользуется случаем, чтобы лишний раз коснуться его, было невыносимо. Ярость и обида душили юношу.

Ведь до появления этого чужака Мэнчжуан безраздельно принадлежал только ему! А сегодня из-за него даже толком не взглянул в его сторону. Нельзя допустить, чтобы этот проходимец увёл его соученика.

Цинюань опустил взгляд, нашёл у ног увесистую гальку и взвесил её на ладони, выцеливая соперника. Но в то же самое время по другую сторону поляны, в тени зарослей, кто-то ещё сжимал в руке камень, наводя прицел на Мэн Цинъяна.

И в одно мгновение оба мстителя одновременно швырнули свои снаряды.

— Ой! Да что за... — вскрикнул Цинъян, когда один камень чувствительно прилетел ему в спину, а второй — прямо в затылок. Перед глазами у него поплыли искры. Схватившись за ушибленную голову, он яростно взревел на весь лес: — Какая сволочь это сделала?!

Из-за густых стеблей бамбука одновременно показались две фигуры. Оба метателя напустили на себя самый невинный, обиженный вид и, жалобно надув губы, в один голос позвали:

— Старший соученик...

— Старший соученик...

Мэнчжуан и Цинъян ошарашенно уставились на незваных гостей. Их лица исказила одинаковая гримаса растерянности.

— Ну и дела... — хором выдохнули они.

Какая нелепая ирония судьбы!

Подростки бросились каждый к своему защитнику. Лу Цинюань замер перед Мэнчжуаном, преданно заглядывая ему в глаза. Он легонько потеревил край белого шёлкового рукава и тихо, застенчиво пробормотал:

— Старший соученик, я сварил для тебя кашу. Пойдём поедим, пока не остыла...

Мэнчжуан, только что исходивший злостью на поддразнивания Цинъяна, при виде этого послушного, кроткого создания мгновенно оттаял. Он ласково опустил ладонь на мягкие волосы юноши и улыбнулся:

— Хорошо. Только мой Сяо Цзю по-настоящему заботится о моём самочувствии.

"Мой... Сяо Цзю..."

— эти слова гулким эхом отозвались в груди Цинюаня.

"Мой... Старший соученик назвал меня своим..."

"Я принадлежу ему..."

Щёки юноши вспыхнули густым румянцем. Смущённо пряча взгляд, он потянул Мэнчжуана за собой:

— Тогда идём быстрее, старший соученик...

У второй же пары дела обстояли далеко не столь пасторально. Чу Няньчжи бесцеремонно вцепилась в ухо Цинъяна и, уперев свободную руку в бок, громогласно запричитала:

— Старший соученик! Опять ты за своё! Никакого стыда, как тебе только не совестно!

Цинъян согнулся в три погибели, пытаясь защитить многострадальное ухо, и взмолился:

— Ай-ай, больно же! Отпусти сейчас же, оторвёшь!

Няньчжи нехотя разжала пальцы и потащила его прочь из рощи, без умолку ворча:

— Хоть бы раз подумал о репутации Пика Южного Веселья! Погляди на учеников Пика Безмолвной Пустоты — благодетельные, приличные люди, не то что ты!

Цинъян покорно плёлся следом, но на ходу обернулся. Мэнчжуан шёл рядом с Лу Цинюанем, увлечённо о чём-то беседуя и мягко улыбаясь — куда только девалась та буря эмоций, с которой он только что осыпал его проклятиями. Снова превратился в безупречного, благородного мастера.

"И всё же... только мне известна его настоящая сторона. Без маски вежливости и напускного спокойствия. Когда он злится, он вспыхивает как порох, и в эти минуты его хочется дразнить ещё сильнее."

На мгновение перед глазами Цинъяна всплыл образ их первой встречи, когда они оба были ещё несносными мальчишками.

Маленький Шэнь Мэнчжуан в белоснежном ученическом халате грозно выставил перед собой Меч Мирного Века, надув от важности щёки.

— Как твоё имя?

— Шэнь Мэнчжуан.

Старший преемник достопочтенного Сюанью с Пика Безмолвной Пустоты.

Цинъюан и раньше слышал о нём как о тихом, благородном и утончённом юноше, но в тот день понял, что слухам верить нельзя.

— Мне нравится твой темляк. Теперь он мой!

Алый узел концентрических сердец с того самого дня украшал рукоять его меча. И за все эти годы он ни разу его не снял.

Постепенно шаги затихли, и четыре фигуры окончательно скрылись из виду. В бамбуковой роще воцарилась тишина, нарушаемая лишь редким, тоскливым шелестом качающихся на ветру стеблей.

Из густой тени бамбука медленно вышла Е Чжэнчжэн. Она неподвижно смотрела вслед уходящему Лу Цинъюаню. Ей никогда прежде не приходилось видеть его таким — ревнивым, задетым за живое. В её глазах он всегда оставался послушным, тихим младшим братом. Оказывается, в его сердце жил образ того, кем он дорожил превыше всего на свете. И этим кем-то была не она.

Когда последний силуэт растаял в сумерках, Чжэнчжэн понуро опустила голову и побрела прочь. Любить кого-то без ответа, знать, что его помыслы заняты другим человеком — горькая, иссушающая душу мука.

В роще снова стало тихо. Ветер качал верхушки деревьев, шурша листвой.

Избавившись от укрытия, на дорожке показался Чжоу Буфань. Он молча провожал взглядом сгорбленную фигурку Чжэнчжэн. Её одинокий, растерянный вид заставил его вспомнить прошлое — ту грязную, испуганную девчущку, которая когда-то давно неприкаянно бродила по шумным городским улицам.

Именно он тогда подобрал её, согрел и с тех пор оберегал каждую секунду, не отходя ни на шаг.

Но её сердце так и не обратилось к нему.

Глупые надежды, безответная привязанность...

Видеть, как девочка, которую он холил и лелеял годами, сохнет по какому-то безродному выскочке, было выше его сил. Гнев обжёг грудь Чжоу Буфани. Не в силах сдержать нахлынувшую ярость, он с размаху ударил кулаком по росшему рядом бамбуковому стволу.

— Ой-ой-ой! — взвыл он в следующую секунду.

Острый сухой шип глубоко вонзился в кожу, из раны брызнула кровь. Вскрикнув от боли, Буфань в ярости выхватил Меч Свободных Странствий и с силой обрушил его на ни в чём не повинный стебель:

— Даже ты против меня ополчился, проклятая деревяшка!

Сверкнула холодная сталь, и срубленный бамбук с глухим стуком повалился наземь. Буфань шумно выдохнул, сплюнул под ноги, утихомиривая злость, и, спрятав оружие в ножны, зашагал прочь.

Не успел срубленный ствол коснуться земли, как в воздухе блеснула фиолетовая вспышка, и бамбук разлетелся на мелкие щепки.

Высоко на гибких ветвях, покачиваясь в такт ветру, сидела Лэн Шанлань. Прохладный вечерний бриз шевелил её длинные тёмные волосы, путая пряди с узкими бамбуковыми листьями.

Все эти нелепые любовные драмы, разворачивающиеся внизу, её ни капли не трогали. Взор девушки был прикован к тому месту, где только что скрылся Лу Цинюань. Юноша казался тихим и беззащитным, но его черты до мельчайших подробностей совпадали с тем лицом, что преследовало её в кошмарах.

Тогда ей было всего семь. Израненная, в разорванных, окровавленных одеждах мать с трудом сжимала в руках боевой меч. В её угасающем взгляде смешались отчаяние и безумная надежда: она молила небо, чтобы дочь выросла сильной и не знала боли, но в то же время страшилась, что та утратит чистоту души.

"Лэн Шанлань! Ты — последняя кровь клана Сыма. Помни о своём долге!"

Эти слова, преодолев десятилетия, до сих пор набатом гудели в её сознании. Провожая взглядом скрывшегося в темноте Лу Цинюаня, Шанлань замерла с непроницаемым выражением лица.

В её сердце горел долг. И вела его слепая, неутолимая жажда мести.

Ночь опустилась на орден, и каждый из его обитателей вернулся в свои покои, унося с собой ворох тайных мыслей.

Безмерная Белая Пагода

Тем временем в мрачных глубинах Безмерной Белой Пагоды Каменный демон, раздобыв где-то ещё десяток маленьких детей, швырнул их в тёмную пещеру. Грубо полоснув каждого по запястьям, он принялся чертить на каменном полу кровавый массив. Когда начертание замкнулось, демон направил внутрь свою тёмную энергию. Массив на мгновение вспыхнул ослепительным багровым сиянием, но уже через пару секунд свет безнадёжно угас.

Каменный демон взревел от ярости. Девятьсот пятьдесят первая попытка закончилась полным провалом!

Он грубо схватил за шкурку плачущего навзрыд ребёнка и прорычал ему в лицо:

— Снова не ты!

Несчастное дитя отлетело в дальний угол пещеры. Схватив следующего, монстр снова взвыл:

— И не ты!

— Может, это ты?! — Каменный демон вплотную приблизился к последнему малышу.

Увидев перед собой искажённую злобой морду чудовища, ребёнок закричал от ужаса и мгновенно обмочился.

Раздражающий детский плач окончательно вывел демона из себя. Он тяжело опустился на землю, обхватив голову когтистыми руками, и разочарованно прохрипел:

— Похоже, и ты не тот, кто мне нужен...

<http://bllate.org/book/20579/2162131>